

ВВОДНЫЙ КОММЕНТАРИЙ

Вам будут предложены тексты, посвящённые русским городам. Это 1) тексты о том, как выглядит город и как он воспринимается теми, кто в нём живёт, и теми, кто только знакомится с ним; и 2) тексты об истории города, его судьбе в XX веке, которая не могла не сказаться на характере людей, на известных различиях между москвичами и петербуржцами.

Работа с текстом включает несколько этапов:

а) предтекстовая подготовка:

- сообщение об авторе текста и времени его написания;
- рассмотрение структуры текста, его композиционной организации, речевых особенностей;
- работа над языковым материалом, который используется в ситуациях, составляющих содержание текста;

б) чтение текста;

в) послетекстовая работа:

- ответы на вопросы по содержанию текста;
- обсуждение проблем, которые связаны с его содержанием.

Человек в новом городе

Текст 1

Описание города, восприятие нового города

Описание как тип речи, его лексико-грамматическое наполнение, описание пути, организованное движением персонажа

Юрий Маркович Нагибин (1920–1994) вошёл в литературу в пятидесятые годы с повестями «Трудное счастье» (1956) и «Павлик» (1959). Автор многих сборников рассказов, киносценариев, среди которых особую известность получили снятые по ним фильмы «Председатель» и «Чайковский». В 90-е годы была опубликована его повесть «Встань и иди», посвящённая отцу, которому приходилось менять места пребывания в ссылке. Главы повести составляют описание тех городов, через которые проезжал сын, навещая репрессированного отца. Одна из глав посвящена Ленинграду.

Предтекстовая работа

Вспомните некоторые слова и выражения и выполните задания:

● Описания городов часто организуются как восприятие наблюдателя, идущего по его улицам и площадям. Стратегия повествователя в данном тексте – это тоже стратегия пути. Поэтому здесь много глаголов типа *вышел* (на привокзальную площадь), *двинулся* (вверх по Невскому проспекту), *шёл* (по Невскому), *зашёл* (в кафе); *шаг* его делается быстрым, он почти бежит.

● *Московский вокзал в Петербурге (в 1924–1992 гг. Санкт-Петербург назывался Ленинградом) и Ленинградский вокзал в Москве* выполнены по одному проекту (архитектор К.А. Тон; оба вокзала назывались *Николаевскими*, вокзал в Москве построен в 1849 г., в Петербурге – в 1851 г.).

● *сквозить* – дуть, продувать сквозь отверстия, сквозной ветер – *сквозняк*

Не сиди на сквозняке, закрой дверь, тебя продует. (продуть кого?)

свежий ветер – холодный ветер; *подуло свежестью* (подуть чем?)

Вы едете в автобусе или в электричке, с обеих сторон открыты окна. Что вы чувствуете? О чём попросите соседей?

● Я узнаю город – город *открывается* мне.

● *неприятие* чего-либо – так говорят, когда что-нибудь не нравится, не становится близким: *я не принимаю этого автора (почему?)*;

сопротивляться какому-либо чувству, желанию – не хотеть, чтобы появилось некоторое чувство,

желание: я сопротивлялся желанию поехать в этот город.

Вы много знаете о городе, но почему-то не хотите ехать туда. Как вы об этом скажете?

● Попробуйте определить значения следующих выражений:

дорога длиною в ночь – _____

сам себе голова – _____

на худой конец – _____

Используйте их в следующих предложениях:

Я остался один и должен всё решать сам: _____ .

Если купить эту книгу, у меня не останется денег, но, _____ , можно занять у соседа.

Между Москвой и Петербургом протянулась _____ .

● Вы утром зашли в кафе. Что вы решили съесть на завтрак? В ответе используйте следующие выражения:

зайти в кафе и заказать омлет с ветчиной, стакан какао, кофе со сливками / с молоком расплатиться с официантом

● Какие грамматические формы использованы во фразе:

Он схвачен заколдован этим городом (ср.: Город схватил его и заколдовал)?

● *город дарит /одаривает чем?*

● В картине, нарисованной художником на полотне, есть *первый план* (то, что сразу видит зритель), а за ним – *второй и третий планы* (перспектива).

Если вы рассматриваете картину, фотографию, в каком порядке вы будете описывать то, что на них изображено?

Прочитайте текст:

Юрий Нагибин ВСТАНЬ И ИДИ

...захлопали двери, вагон словно продуло сквозняком, и в знобящей свежести вошло в меня: «Приехали – Ленинград».

Сдав чемоданы в камеру хранения, я вышел на привокзальную площадь. Меня поразило, что Московский вокзал – точная копия нашего Ленинградского. Города открываются человеку по-разному, иногда с первого взгляда, иногда для этого нужна долгая жизнь. Я очень многого ждал от Ленинграда, подобное чувство всегда соседствует с противоположным, и потому я был настроен на неприятие города. Я бессознательно сопротивлялся тому новому, волнующему, сильному, что мог внести Ленинград в мою жизнь.

Вокзал оказался своего рода амортизатором, он как-то сразу поставил город в разряд привычных вещей. «Ничего страшного» – так можно определить ощущение, с каким двинулся я вверх по Невскому проспекту. Любопытно, что Невский я отыскал безотчётно, не спутав его ни со столь же широкой Лиговкой, ни с другими улицами, выходящими на вокзальную площадь, так же безотчётно угадал я и верное направление: к Адмиралтейству.

День был серый, пасмурный, похожий на наши московские сумерки. Я шёл по Невскому, радуясь, что я один в чужом городе, сам себе голова, что город спокойно и просто принял меня в себя, что, на худой конец, позади знакомое здание вокзала, от которого прямая, длиною в ночь, дорога ведёт к другому такому же зданию, но уже в моём, привычном мире.

Уравновешенный, самостоятельный путешественник заходит в кафе, заказывает омлет с ветчиной и сосисками, стакан какао и стакан кофе со сливками, съедает и выпивает всё это, расплачивается и идёт дальше, ещё более уверенный в себе, ничего не страшный.

Он спокойно радуется коням Клодта, снисходительно узнаёт Казанский собор, но блеск Адмиралтейской иглы, зажжённой вдруг в январской хмари, слишком остро колет его в сердце. Он не замечает, что шаг его делается быстрым, дыхание порывистым, что он почти бежит, натываясь на прохожих и забывая извиниться, что он уже схвачен, заколдован этим городом, схвачен и заколдован навсегда, на всю жизнь.

Когда я ехал в Ленинград, то думал, что увижу красивые здания: дворцы, соборы, колонны, памятники побед. Но мне открылось нечто неизмеримо высшее: город как художественно организованное пространство. Меня восхитило и Адмиралтейство, и Зимний дворец, и здание Биржи, и арка Главного штаба, но куда больше волновало меня то, что открывалось между зданиями, в просторе арки, те перспективные прогляды – не знаю, как сказать иначе, – которые на каждом шагу дарит Ленинград. Вторые и третьи планы – вот наиболее великолепное в этом городе, вот что делает Ленинград неисчерпаемым. Он построен не из камня, вернее, не только из камня: из неба, воды и воздуха, а это вечно обновляющийся материал...

(Нагибин Ю. Вдали музыка и огни: Повести и рассказы. М.: Современник, 1989)

Послетекстовая работа

1. Ответьте на вопросы:

1. В какое время года приехал герой в Ленинград? На что был похож день?
2. Что заметил герой, взглянув на Московский вокзал?
3. Как чувствовал себя человек, впервые приехав в город, о красоте которого он знал?
4. Если вы уже были около Московского вокзала, скажите, почему герой сразу отличил Невский от Лиговки?
5. Испытывая чувство страха в незнакомом городе, как успокаивал себя герой?
6. Рассказывая о своём завтраке в кафе и о пути по Невскому, герой называет себя путешественником, говорит о себе в третьем лице и использует форму настоящего времени глагола (*съедает, расплачивается, узнаёт, не замечает...*). Как вы думаете,
 - а) это только авторский приём – изменение формы повествования для смены ритма;
 - б) это герой, освободившись от страха, хочет представить себя со стороны;
 - в) это герой почувствовал себя обычным путешественником, как все?
7. Что происходит с героем по мере того, как он идёт по Невскому проспекту?
8. Какие хорошо известные вам достопримечательности города он называет?
9. Что, кроме этих достопримечательностей, заметил герой?

2. Прокомментируйте последнее предложение рассказа. Как вы думаете, что же главное в облике города, что придаёт ему особый облик или создаёт особый характер?

Российские столицы и их жители

Текст 2

Отношение людей к городу, в котором они живут

Описание-отношение, включённое в повествование в художественном тексте, его лексико-грамматическое наполнение

Текст, который вы будете читать, не столько описывает город, сколько рассказывает об отношении людей к этому городу.

Леонид Евгеньевич Бежин начал писать в 80-е годы XX века. Его рассказы были изданы несколькими отдельными книгами. С начала 90-х годов он больше занимается публицистикой, а также историческими исследованиями: его, например, интересует судьба русского императора Александра I, которая до сих пор вызывает противоречивые толкования. Рассказ «Гуманитарный бум» написан в 1985 году, когда в обществе проснулся особый интерес к гуманитарным наукам, искусству, истории. Этот рассказ приводится в сокращении, вам предлагаются отрывки из начала рассказа и его заключительная часть.

Героиня рассказа Женя – студентка, её родители разошлись, мать с младшей дочерью Томой остались в Москве, Женя с отцом переехали в Ленинград. Мать и Тома были гуманитариями: занимались искусством, семья Жени была «сугубо технической».

Предтекстовая работа

Вспомните некоторые слова и выражения и выполните задания:

- *Москвич и питерец / петербуржец, вечный спор о Москве и Ленинграде* – что вы об этом знаете? *Чувствовать себя москвичом.* *Москвичи считают жителей Петербурга сухарями и педантами* – объясните эти выражения.
- *Продолжить традицию, пойти по стопам, унаследовать* (о детях по отношению к родителям).

I. Города и горожане

● *Вызубрить (сопромат)* – из языка учащихся: очень хорошо выучить дисциплину; здесь – сопротивление материалов.

● *Зима была слабой, с оттепелью и грязью, больной и чахлой* – как вы понимаете это описание?

● О каких чувствах идёт речь?

Ощущать холод и неуют – _____

Чувствовать себя тупой дурой – _____

Было до слёз обидно, что... – _____

● Какое состояние мы называем хандрой? (У Пушкина есть такие строчки: «...русская хандра им овладела понемногу; / Он застрелиться, слава богу, / Попробовать не захотел, / Но к жизни вовсе охладел».)

● О состоянии человека:

Чувство может появляться, закрадываться, мучить, вызывать равнодушие.

Адски болела голова.

Нервы лопнут. Обычно: терпение лопнуло у кого? – кто не может больше терпеть что-либо.

Здесь ей больше не оставаться. – Она не сможет больше здесь оставаться.

Прочитайте первую часть текста. Читая, выделите в нём тематические блоки и составьте вопрос к каждому из них, чтобы задать эти вопросы коллегам в группе.

Леонид Бежин
ГУМАНИТАРНЫЙ БУМ

Говоря «Ты, Павлик, типичный питерец», она (Женя) нарочно ничего не добавляла, словно он (Павлик, студент-однокурсник Жени) мог понимать её как угодно, может быть, даже в самом лестном для себя смысле. Он угадывал иронию и заставлял себя слегка обидеться: «Почему же типичный?! Я сам по себе». – «Все вы, ленинградцы, сухари и педанты!» Этого он уже не выдерживал: «Зато вы, москвичи...» И начинался вечный спор о Москве и Ленинграде, где лучше архитектура, где вежливее люди на улицах, и чем яростнее доказывала Женя превосходство Москвы, тем глубже закрадывалось чувство, что сама-то она давно уже не москвичка, спросишь, как пройти на Арбат, пожалуй, сразу и не ответит, но и ленинградской тоже не стала.

Явно не стала. На знаменитых набережных она ощущала лишь холод и неуют, на Зимний смотрела как на обычный дом с украшениями и в Эрмитаже чувствовала себя тупой дурой. Было до слёз обидно, что все эти аполлоны, нимфы, вены её ничуть не трогают, не вызывают восторгов и умиления. Отец, патриот родного Питера, пробовал её просвещать: «Последний шедевр Растрелли... скульптура – это цветение архитектуры», – но Женя лишь жалко улыбалась. Там, где полагалось быть эстетическому восторгу, набухало глухое и вялое равнодушие. В ней возникал навязчивый вопрос: а что, если бы эти шпили, купола, гранит увидел инопланетянин, пришелец с других галактик?! И странно, Женя ощущала большую готовность к отстранённому взгляду из космоса, чем к обыкновенному пониманию обыкновенных вещей, и ей было легко представить, каким отчуждённым нагромождением камней рисовалось бы инопланетянину то, что привычно кажется им Литейным проспектом, Гостиным Двором, Биржей.

Её хандра особенно усилилась зимой, жиденькой, слабой, с оттепелями и грязью. Зима была больной и чахлой, и Женя заболела. Дома смотрела на мутные стекла в подтёках, чистила зелёный мандарин, и это раздражающее чувство плохо отстающей мандариновой кожицы, от которой потом неприятно щиплет под ногтями, словно распространялось на всю череду дней от понедельника до понедельника.

В институте было не лучше. Раньше у них читал Вязников, оригинал и блестящий ритор, иллюстрирующий сопромат и детали машин библейскими притчами. Маленький, подвижный, с голым черепом, он, словно тролль, священнодействовал на кафедре. Говорили, что он альпинист, охотник, сильная личность, был женат на красавице, и Женя в него влюбилась. Страстно. Ради него вызубрила весь сопромат, но однажды встретила его в электричке – он возвращался с рыбалки, в выгоревшей штормовке, в сапогах, со спиннингом, и в руках у него была книга, лишившая её последних надежд: «Мужчины без женщин».

Вязников недолго продержался в институте, и его место занял доцент, на лекциях которого весь курс поголовно спал. Женя вяло водила пером по бумаге, косилась в окно, и питерские крыши с башнями и надстройками тоже казались олицетворением каких-то формул, и весь город – прямой, геометричный – представлялся ей продолжением великой науки о сопротивлении материалов.

С уходом Вязникова Женя вообще перестала понимать, зачем она учится. В свой институт она поступила потому, что отец до пенсии преподавал в нём термодинамику, и это как бы вынуждало её сделать свой выбор: пошла по стопам... унаследовала... продолжила традицию. Сама Женя попросту не знала, куда поступить, и была в полной растерянности. Со всех сторон Жене внушали, что техническое образование надёжнее, инженеры всюду нужны, и Женя подала документы. Теперь же, на третьем курсе, она мучилась вопросом, зачем ей эти термостаты, термоэлементы... термо... термо?! Женя почти насильно убеждала себя, что её специальность не хуже других, но её всё настойчивее преследовала хандра...

Женя упорно боролась с собой, но хандра удесятаялась...

Однажды она еле-еле дотащилась до дому. В туфлю набился снег, начинавший неприятно подтаивать, и в дополнение ко всем бедам в прихожей у неё оборвалась вешалка, и пальто рухнуло на пол. Женя чуть не расплакалась. Не было ни сил, ни желания нагибаться, поднимать пальто, и тогда она поняла, что это последняя капля! Здесь ей больше не оставаться! Бежать! Куда угодно!

Женя помчалась на вокзал и вернулась домой с билетом. Адски болела голова. Едва расстегнув пальто, она упала в кресло. Долго не шевелилась, а когда открыла глаза, увидела перед собой отца со стаканом воды и таблеткой. До поезда оставался час, и, наскоро проглотив лекарство, Женя бросилась собирать чемодан. Отец, ничего не спрашивая, стоял рядом и складывал шнур настольной лампы.

– Да, еду... Не уговаривай! – не выдержала она, боясь, что нервы лопнут и она расплечется, если он станет утешать и сочувствовать.

– В Москву? – спросил он и сам же испугался, что сразу угадал то, к чему лучше было подойти постепенно.

– Всего на неделю...

Он с преувеличенной благодарностью принял её ответ, как будто не чувствовал себя вправе вообще спрашивать её о чём-то касающемся Москвы.

Выполнив задание перед первой частью текста, продолжите чтение:

Женя не верила, что Москва её исцелит, как не верила в спасительную силу таблеток от головной боли. По наследству от отца ей досталась такая мигрень, что порою думалось, ничто не снимет со лба чудовищного обруча. Но вдруг обруч опал, и она недоумевала: неужели помогла таблетка? Точно так же, воспрянув духом в Москве, Женя спрашивала себя: неужели её исцелила столица?

Московская жизнь – Женя с завистью обнаружила это – была лучше ленинградской, ярче, интересней. Раньше она взирала на неё недоверчивым, диким волчком, и вот в ней словно прорвало плотину. Москвичи стали казаться ей необыкновенными, непохожими на других людьми, умеющими заразительно хохотать и азартно спорить, не стесняющимися о б о ж а т ь искусство, – людьми с о с л о ж н ы м и характерами, сложной личной жизнью, сложным отношением друг к другу.

I. Города и горожане

«Девочка моя, хорошо бы тебе пожить у нас подольше, пообщаться с Томой, с её друзьями, иначе ты зачахнешь!» – сетовала мать, глядя на Женю глазами, полными сострадания. Эти уговоры становились постоянными, мать упрямо звала её в Москву, внушала, что это нужно, даже необходимо...

И тут-то Женя поняла... поняла всё до конца и ужаснулась, в какой слепоте жила до сих пор. Вокруг происходил гуманитарный бум, и лишь одна Женя похожа на замороженного мамонта из доисторического технического века.

Разве может её знание специальных формул сравниться с благородными гуманитарными знаниями?! Что ей эти термостаты, терморегуляторы... термо... термо?! Разве они способны сделать её счастливой! А вот искусству доступно всё на свете...

Её убеждали, что, посвятив себя серьёзному делу, она оставшееся время будет для души слушать музыку, читать художественную литературу, ходить в музеи. Оказывалось же, что выкраивать секунды тут нельзя, и это таинственное существо, обитающее в ней, – душа – требует безраздельной жертвы.

(Женя решает даже бросить институт и остаться в Москве. Но постепенно она начала видеть множество ситуаций в жизни семьи её матери, которые меняли её представление об «особой» московской жизни. «Вот только отец...»)

Чем дальше жила она в Москве, тем яснее видела, что сестра и мать такие же обыкновенные люди, как и она сама. Женя чувствовала, что мать и сестра снова становятся ей родными, как и во времена детства, и ей тяжело было уезжать, она мучилась и не знала, что же ей делать...

– Прости, может быть, я не вовремя?

Женя вошла к матери, но та не услышала, и Женя тронула её за плечо.

– А, Женя... Что ты?

– Понимаешь... Словом, я взяла билет.

Мать вздрогнула, щеки её задрожали, и Женя боялась, что она опять заплачет.

– Нет-нет... Ничего. Всё в порядке. Мы действительно не сумели тебе многого дать и сами живём кое-как! Поезжай, Женя. Я понимаю...

– Отец там один... Извини, мне пора собираться.

– Позвони мне...

– Обязательно. Обещаю. Я буду тебе звонить.

...В Ленинграде таяло. В глаза ей било солнце, и Женя – она с чемоданчиком шла по Невскому – смотрела вокруг и думала, что вот вернулась и ничего значительного в этом нет, просто всё начинается заново, обыкновенная жизнь, заботы, но вдруг она подняла голову...

(Бежин Л. Гуманитарный бум. М.: Советский писатель, 1985)

Послетекстовая работа

1. Скажите, как может закончиться рассказ? Сравните свой ответ с окончанием рассказа у автора.

 См. приложение «Проверь себя!» на стр. 198.

2. Ответьте на вопросы:

1. Какие различия в жизни ленинградцев и москвичей отмечает героиня?
2. Оказывают ли эти различия существенное влияние на жизнь людей? Что думает об этом Женя?
3. О чём свидетельствует последний абзац рассказа? Как бы вы его прокомментировали?